

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

ТЕОДОР ДЕ ЛАГРЕНЕ О ЦЕНЗУРЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1825 ГОД)

Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ: От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв., шифр в ИАС: 5.38.275.2014, руководитель В.Н. Барышников.

Публикуемый ниже рапорт о состоянии цензуры в Российской империи извлечен из фондов Дипломатического архива Франции¹ и принадлежит перу видного дипломата XIX столетия Теодора де Лагрене².

В октябре 1825 г., на момент написания рапорта, 25-летний дворянин Т. де Лагрене находился в самом начале своей дипломатической карьеры. За плечами были годы жизни в Амьене, его родном городе, учеба на юриста и служба адвокатом в Министерстве иностранных дел при личном кабинете герцога де Монморанси³, которого он сопровождал в октябре 1822 г. на Веронский конгресс⁴.

¹Théodore de Lagrené. Rapport sur l'état et l'exercice de la censure en Russie, considérée dans ses causes et ses résultats. 24 octobre 1824. Archives du Ministère des Affaires étrangères. Mémoires et documents. T. 28. P. 89–105.

²Теодор Мари Мельхиор Жозеф де Лагрене (Théodore Marie Melchior Joseph de Lagrené) 1800–1862. См.: Гончарова Т. Н. Французский поверенный в делах Теодор де Лагрене о причинах финансовых затруднений российского дворянства и императорского кабинета (1833 год) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. Санкт-Петербург, 2014. № 12. С. 228–245; Гончарова Т. Н. Французские дипломаты в России (1814–1848): персоналии и карьеры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2008. Вып. 4. Ч. 1. С. 130–136.

³Матьё де Монморанси (Mathieu Jean Félicité, duc de Montmorency-Laval), герцог (1766–1826), занимал пост министра иностранных дел в реакционном кабинете Виллеля с 14 декабря 1821 г. по 28 декабря 1822 г.

⁴Веронский конгресс — последний дипломатический конгресс Священного союза, проходил с 20 октября по 14 декабря 1822 г. и имел главным вопросом повестки дня низвержение революционного правительства Испании и освобождение Фердинанда VII из республиканской неволи с помощью французского экспедиционного корпуса.

После отставки Моморанси (март 1823), Лагрене оказался приписан к посольству Франции в Санкт-Петербурге в качестве атташе, но в действительности на протяжении двух лет своего пребывания в российской столице, до ноября 1825 г., исполнял обязанности третьего секретаря. Блестящий ум и образование молодого сотрудника посольства расположили к нему его непосредственного начальника, посла Огюста де Лаферронэ⁵, который доверял Лагрене разного рода ответственные поручения секретного характера, а также написание записок по самому обширному кругу проблем.

В приводимом ниже рапорте Т. де Лагрене делится результатами своих наблюдений и размышлений на предмет функционирования политической и религиозной цензуры в Российской империи. Написанный в октябре, рапорт представляет тем больший интерес, что двумя лишь месяцами предшествует восстанию на Сенатской площади (14 (26) декабря 1825). Деятельность цензуры, щепетильно отслеживавшей ввозимые в Россию крамольные книги, не сумела предотвратить того, чего более всего опасались власти – развращающего влияния либеральных идей на блестящих гвардейских офицеров, которые не преминули воспользоваться смертью Александра I⁶ и последовавшим за ней междуцарствием для попытки государственного переворота и реализации своих конституционных идей.

Малоизвестный в российской историографии источник, рапорт Т. де Лагрене о цензуре стал предметом цитирования и специального разбора лишь однажды — в статье В. А. Мильчиной «Русская цензура Александровской эпохи глазами французского дипломата» (2007)⁷. Исследовательница пришла к выводу о «французском прицеле» Лагрене, поставившего перед собой цель доказать бесполезность цензуры на российском примере, ибо несмотря на строжайшие запреты и предосторожности,

⁵Огюст де Лаферронэ (Pierre Louis Auguste Ferron, comte de La Ferronnays), граф (1777–1842) – генерал, дипломат, посол Франции в Российской империи с 1819 по 1828 г., в дальнейшем министр иностранных дел в правительстве Мартиньяка (4 января 1828 – 24 апреля 1829). См.: Гончарова Т. Н. Посольство Франции в Санкт-Петербурге (1814–1848). Представители конституционной монархии в самодержавной России // Санкт-Петербург – Франция. Наука, культура, политика. СПб., 2010. С. 68–84.

⁶19 ноября (1 декабря) 1825 г. в Таганроге.

⁷Мильчина В. А. Русская цензура Александровской эпохи глазами французского дипломата // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* X: «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи: В 2 ч. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. Ч. 1. С. 128–150.

либеральные сочинения с Запада продолжали проникать в пределы империи.

В 1825 г., в то время как Лагрене писал свой очерк, во Франции цензуры не существовало, она была упразднена Карлом X при восшествии на трон годом ранее, но в консервативных кругах, особенно среди министров ультрароялистского правительства Ж. Виллеля, шли разговоры о необходимости ее восстановления. Придерживавшийся либеральных взглядов Т. де Лагрене хотел, по мнению В. А. Мильчиной, своими выводами о бесполезности цензуры в России поддержать соотечественников — противников ограничения свободы печати. Закон о цензуре печатных изданий, содержащий ряд ограничений, прозванных Ф.-Р. Шатобрианом за свою суровость «вандальными постановлениями», был все же одобрен большинством голосов в Палате депутатов в марте 1827 г., но ультрароялисты недолго праздновали победу. В июне 1828 г. умеренное министерство Мартиньяка, внемля требованиям общественного мнения, отозвало одиозный закон о печати.

Действительно, актуальность рапорта Лагрене в свете внутрифранцузских политических дебатов не вызывает сомнения, однако, на наш взгляд, не следует преуменьшать или недооценивать и чисто российский аспект изложенных в нем наблюдений и размышлений. В конце концов, обязанность Лагрене как служащего посольства состояла в не в том, чтобы давать советы по внутривнутриполитическим делам во Франции (к ним бы никто не стал прислушиваться!), а в том, чтобы собирать и анализировать информацию по внутренней и внешней политике страны пребывания. И, к чести Лагрене, он прекрасно справился со стоявшей перед ним задачей.

Представленный ниже анализ политической и религиозной цензуры в Российской империи выдает в молодом сотруднике посольства вдумчивого и информированного наблюдателя⁸, очевидно, что им были использованы сведения, полученные из первых рук, скорее всего, от российских чиновников. В рапорте совершенно отчетливо прослеживается постепенное ужесточение цензурной политики российского государства, что при-

⁸Отметим, что дипломатическая карьера Лагрене складывалась не совсем гладко. В 1826 г. он получил назначение третьим секретарем в Мадрид, но уже в 1828 г. вернулся в Россию в качестве второго секретаря посольства, в 1832 г. стал первым секретарем, в 1833 г. в течение целого года исполнял обязанности поверенного в делах, но навлекши на себя недовольство влиятельных российских вельмож и даже самого императора Николая I (предположительно своим либерализмом и проницательностью), в 1834 г. был отозван и впоследствии исполнял обязанности главы французской миссии в Дармштадте, Греции и Китае.

ведет, в конечном счете к принятию 10 июня 1826 г., под впечатлением от восстания декабристов, так называемого «чугунного» устава.

Первый же в России цензурный устав, принятый 22-мя годами ранее, 9 июня 1804 г., был проникнут либеральным духом начального периода царствования Александра I. Главное правление училищ объявлялось Уставом высшей инстанцией по делам цензуры, в которую поступали просьбы об обжаловании решений выносимых цензурными комитетами из профессоров и магистров при университетах. Несмотря на то, что Устав 1804 г. действовал два десятка лет, его применение на практике, как хорошо видно из рапорта Лагрене, подвергалось постоянной корректировке объективными обстоятельствами того или иного исторического момента.

Усиление цензурного режима наблюдалось во время войны против наполеоновской Франции в 1805–1807 гг. и в ходе Отечественной войны 1812 г. Министерство полиции, созданное в 1811 г., взяло на себя функции политической цензуры, запрещая к ввозу произведения, содержащие упоминания о конституциях и т.п., так что Министерство народного просвещения потеряло прерогативу в области контроля над печатной продукцией.

Следующее ужесточение цензурного режима связано с эпохой следовавшей за заграничными походами русской армии 1813–1814 гг. и было продиктовано опасениями властей, что пребывание в Европе, способствуя внутреннему раскрепощению солдат и офицеров, внушит им опасные мысли о необходимости ограничения самодержавной власти. К тому же в этот период, совпавший с поворотом Александра I от либерализма к мистицизму, главной заботой цензуры становится соблюдение христианского благочестия. Министерство народного просвещения объединяется с Министерством духовных дел, а во главе этого двойного ведомства становится князь А. Н. Голицын. Духовная цензура, отнесенная Уставом 1804 г. в ведение Синода, оказывает все большее давление на светских цензоров.

С 1817 г. каждое министерство могло участвовать в контроле над печатью, направляя свои рекомендации цензурным комитетам и Главному управлению училищ. Влияние власти на цензурный аппарат становилось все более отчетливым, что, по свидетельству Лагрене, приводило к крайней дискредитации профессии цензора. Система контроля была крайне запутанной и нуждалась в упорядочении. Необходимость в разработке нового цензурного устава с особенной остротой встала в 1824 г., после поворота

Александра I от мистицизма в сторону реакции, что выразилось в смещении А. Н. Голицына и назначении А. С. Шишкова на пост министра народного просвещения. Этот последний и стал главным автором устава, прозванного в либеральной среде «чугунным» (1826). В соответствии с новым законом запрету подлежали исторические сочинения, подрывавшие основы монархического строя, трактаты французских просветителей, как и всякие другие произведения, содержавшие революционные идеи.

Из записки Лагрене видно, впрочем, что все эти охранительные положения Устава, принятого в николаевское царствование, были сформулированы еще при Александре I, поэтому их никоим образом нельзя считать прямым следствием восстания декабристов. Восстание гвардейских офицеров на Сенатской площади лишь ускорило принятие нового цензурного устава, положения которого оформились ранее, получив в целом одобрение Александра I, до которого, впрочем, доходили отрывочные сведения о тайных обществах, готовивших государственный переворот.

Рапорт Лагрене, представленный ниже вниманию читателя, по всей видимости, стал объектом тщательного изучения в политическом отделе Министерства иностранных дел. Рукопись хранит на себе карандашные следы работы с нею, подчеркивания фраз в тексте и отчеркивания отдельных абзацев на полях, которые мы постарались воспроизвести максимально точно.

Перевод с французского языка, вступительная статья
и комментарии к.и.н., доцента Т. Н. Гончаровой

РАПОРТ О СОСТОЯНИИ И ПРАКТИКЕ ЦЕНЗУРЫ В РОССИИ, РАССМОТРЕННОЙ В ЕЕ МОТИВАЦИЯХ И РЕЗУЛЬТАТАХ

Санкт-Петербург, 24 октября 1825

В стране новой еще и мало цивилизованной, управляемой деспотическими и произвольными законами, где всякая гражданская, политическая и религиозная власть сконцентрирована в одном человеке, чья вер-

ховная власть разрушает, возвышает и меняет все по собственному произволу, легко представить себе влияние цензуры и ее настоящую необходимость. Эта необходимость возрастает еще больше, когда эта нация, которую неведение и отдаленность держали в стороне от событий и зажатой на краю Европы, оторванная внезапно от своих пустынь чудесной серией событий, оказалась выброшенной в края более счастливые, среди народов пользующихся институтами более благоприятными и помещенной внезапно в соприкосновение с цивилизацией и свободой⁹. В таких обстоятельствах, государь ревностно относящийся к своей власти и к благу своей Империи, для того, чтобы избежать всякого невыгодного сопоставления и неприятного воспоминания, приложит усилия к тому, чтобы спрятать от глаз нации сокровища, которые ей не предназначены, чей вид способен произвести лишь стерильные желания или губительные опыты и которые, не готовя ей лучшего будущего, сделают еще более несносным ее настоящее.

Таковой нам представляется в двух словах история русского народа. В то время как в высоких кругах дворянства, есть люди, которые обязаны благодеяниям либерального образования, многочисленным путешествиям, постоянным отношениям с заграницей, мнениями и чувствами, которые были бы в пору жителям свободной страны, низшие классы, порожденные рабством, напоминают пока еще дикую грубость их кочевых предков. Но внезапно патриотический подъем, внушенный этим неотесанным крестьянам катастрофическим вторжением 1812 г.¹⁰,

⁹Лагрене намекает здесь на Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг., последовавшие за уничтожением Великой армии Наполеона в России. Военные действия, ведшиеся на территории Пруссии и Саксонии, в 1814 г. переместились во Францию, сделав возможным для русских офицеров близкое знакомство с либеральными идеями и более прогрессивным политическим устройством западноевропейских стран. Режим Реставрации во Франции, восстановив монархию, но сохранив большую часть революционных нововведений, подействовал «революционно» на русских офицеров, многие из которых стали впоследствии декабристами, желая перенести французский опыт на русскую почву. «Н. И. Тургенев, наблюдая жизнь русского офицерства в Париже, писал: “Теперь возвратится в Россию много таких русских, которые видели, что без рабства может существовать гражданский порядок и могут процветать царства. Что можно сделать умными распоряжениями и постановлениями!”» См.: Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811–1816 годы. Т. II. СПб., 1913. С. 283. Цит. по: Парсамов В. С. Декабристы и Франция. М., 2010. С. 16.

¹⁰Отечественная война 1812 г., начавшаяся переходом Наполеона через Неман 12 (24) июня и закончившаяся разгромом Великой армии, остатки которой

казалось, пробудил их от глубокого сна: привычка к походным лагерям, к войнам за рубежом и вдали от дома, приятность существования более спокойного и менее монотонного под счастливым небом, в плодородном климате, должны были обязательно подействовать на воображение русских и дать им идеи, до тех пор им неизвестные¹¹. Поэтому, когда тревоги войны сменились безмятежностью существования, когда все вернулось к порядку, Император Александр, который предчувствовал влияние, кое последние события без сомнения произвели на его армию, предвидя впрочем, что эта последняя могла в свою очередь оказывать воздействие на народ, принял строгие меры для того, чтобы помешать этому двойному влиянию произвести свой эффект. Дисциплина стала еще более строгой и более жесткой: солдаты остались под ружьем, ни один не был уволен, и быть может в опасении, что вернувшись в свои дома, они принесут туда беспорядки и брожение, находится частичное

перешли российскую границу в декабре 1812 г., была выиграна благодаря героизму русской армии, набранной из крестьян, а также всенародному подъему. См.: Троицкий Н. Александр I против Наполеона. М., 2007.

¹¹За полтора года Заграничных походов (январь 1813– июнь 1814) русские войска побывали в Германии, Богемии, Голландии, Швейцарии, Франции. Вот что пишет по этому поводу исследователь В. М. Безотосный: «Заграничное путешествие могли себе позволить лишь выходцы из русской знати, но это были единицы. А тут за государственный кошт на полтора года с достопримечательностями Европы познакомились около тридцати тысяч русских дворян, одетых в офицерские шинели. Посещение Европы, даже в военное время, отрядом более сотни тысяч русских офицеров и солдат, не могло пройти бесследно для страны хотя бы в культурном и образовательном отношении, и дало импульс для дальнейшего развития. Это был толчок, от которого русская внутренняя жизнь приобрела иной характер, иное окружение и обстановку. Даже в консервативных по своему статусу казачьих областях после заграничных походов стали появляться европейские веяния, элементы европейской культуры. Что уж говорить о крупных городах. Очень важно и то, как изменилось сознание русских военных, что происходило в тот момент в их головах. Слишком многие могли сравнивать заграничные порядки с отечественными. Они увидели явный контраст между Европой и Россией, вынесли сильные впечатления, уже активно хотели и стремились к иной жизни. Осознание явной отсталости России в политическом и общественном устройстве, ненормальности положения крепостных и другие моменты породили стремление ликвидировать "главные язвы Отечества". И эти тенденции в разной степени уже захватили лучшие русские умы». Цит. из: *Безотосный В. М.* Все сражения русской армии 1804–1814. Россия против Наполеона. Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/364304-vse-srajeniya-russkoy-armii-1804%E2%80%911814rossiya-protiv-napoleona.html> (дата обращения 01.10.2015).

объяснение сохранения этих великолепных армейских корпусов, причиняющих столько беспокойства Европе и одновременно столь дорого обходящихся России¹². Использовали к тому же другие средства. Допущение в границы Империи иностранных книг, необходимость в которых мало давала о себе знать в прошлом, но которые с тех пор стали абсолютной необходимостью, было подчинено тщательной и суровой проверке. Газеты подверглись нещадной цензуре, театр подпал под наблюдение, как и пресса, правительственное бдение распространилось на все отрасли промышленности, которые могли вступать в какие-либо отношения с цивилизацией и просвещением, и ничем не пренебрегли, чтобы национальное движение, которое обеспечило однажды взлет России, не повлекло впоследствии за собой потрясение, брожение или кризис.

В католических государствах и во всех тех, которые взяли на вооружение принцип религиозной толерантности, атаки направленные или против доминирующей религии, или против религии в целом, лишь косвенно могут касаться монарха и интересов его державы. Без сомнения, религия везде это первый гарант послушания народов, защиты тронов, нетленная основа, на которой покоятся счастье и спокойствие Империй. Но там, по меньшей мере, атаки, которым она подвергается, не адресованы самому государю, и его власть может сохраняться полной и неделимой, даже если усилия сектантов увенчались бы учреждением другого культа в его владениях. Не так обстоят дела в России: наделенный двойным могуществом, носящий одновременно скипетр и тиару, самодержец Севера командует как деспот, толкует как понтифик¹³ и не признает другой границы своей власти кроме своего собственного сознания. Это от него исходят религиозные ордонансы, как и политические законы. Отсюда необходимость другого наблюдения, не менее активного чем первое: поскольку всякий демарш, который будет иметь целью изменение без его на то согласия религии его подданных, трансформируется в покушение на его могущество и малейшее ограничение, которое поже-

¹²Русская армия не подлежала расформированию в мирное время, сохраняя ту же численность, что и в военное время.

¹³Церковная реформа, проведенная Петром I в 1721 г., сделала церковь послушным орудием власти путем ликвидации патриаршества и учреждения Святейшего правительствующего Синода для управления духовенством. Все члены Синода назначались императором, который стал фактически главой русской православной церкви, что означало уничтожение ее автономии и превращение в составную часть чиновничье-бюрократического аппарата самодержавного государства.

дали бы привнести в его власть над умами, уменьшает нечто в прерогативах его короны. Поэтому не говоря уже о заинтересованности в хороших нравах, консервативных доктринах, очевидно, что в России должны особенно внимание уделять теологическим и философским сочинениям, а также всяким работам, которые могут повлиять прямо или косвенно на религиозные верования.

Эти предварительные соображения нам показались необходимыми в качестве естественного предисловия к работе, которая имеет специальным предметом состояние и практику цензуры в России. Они могут быть полезны для того, чтобы объяснить существующие тенденции и самоуправство, и пролить некоторый свет на мотивацию этой педантичной боязни, которая удерживает на границах самые безобидные произведения литературы и науки. Мы увидим, что эти проявления столь мелочные на первый взгляд проистекают из более важных причин, из более обширной системы, и, быть может, не будет лишено пользы передать Королевскому правительству сведения, которые мы смогли собрать по этой теме. В Империи, где общественное мнение, подавленное восточными учреждениями, не имеет признанного органа, ни никакой возможности, чтобы заставить себя услышать, когда газеты представляют собой не что иное, как преискурант рыночных цен или эхо ничтожных слухов, которыми полнится Европа, трудно составить себе представление о духе и тенденции мнений. Этот дух, эта тенденция существуют, тем не менее, и правительство, осведомляемое активной полицией, при содействии недоверчивой администрации, с тщанием собирает малейшие знаки, которые могут их выявить или предать. С того времени, как оно узнало о болезни, ему остается только выбрать лекарства; и посредством знакомства с теми, кого оно использует, нам удастся быть может составить некоторое представление о настроениях общественного мнения в России. Поскольку в этой неподвижной и молчаливой Империи невозможно ни о чем судить ни по действиям, ни по словам, надо постараться догадаться о том, что происходит, взвешивая средства, употребляемые на то, чтобы помешать говорить и действовать. Таким образом, страх приоткроет завесу секретности, окутывающей слабость и естественное заключение¹⁴ о мерах, которые

¹⁴Текст «Поскольку в этой неподвижной и молчаливой Империи невозможно ни о чем судить ни по действиям, ни по словам, надо постараться догадаться о том, что происходит, взвешивая средства, употребляемые на то, чтобы помешать говорить и действовать. Таким образом, страх приоткроет завесу секретности,

будут приняты для того, чтобы отвести в сторону опасность, выявит степень ее имманентности и серьезности последствий, которые вызывают обеспокоенность. Такое исследование, смеем надеяться, не будет безынтересно: жители Королевства, где ничто не происходит под покровом тайны, где все совершается при свете дня, мы научимся, размышляя об иностранных учреждениях, еще лучше чувствовать выгоды благотворного пакта, который нами управляет¹⁵.

Политическая цензура

До 1804 г. не было цензуры в России. До тех пор правительство не испытывало в ней потребность, и просвещение лишь очень слабо проникло в эту обширную Империю, чтобы можно было опасаться какого-либо губительного от него воздействия. Однако, вскоре было замечено, что кампании Суворова, войны в Швейцарии и Италии, сделали предосторожности необходимыми и к концу 1804 г. ордонанс¹⁶ составленный 2-м Новосильцевым (тот самый, который пользуется столь большим влиянием в Польше¹⁷) указал в подробном перечне все книги, коих публикация и распространение в России не дозволялись более. Тот же самый регламент устанавливал компетенции цензоров, определял обоснования и правила вынесения ими суждений и снимал с них всякую персональную ответственность. Диспозициями, имеющими отношение к этой последней статье, цензоры были не только гарантированы от всякого самоуправного преследования, но даже было предусмотрено то, что в разных гипотезах, могло им служить оправданием или извинением. Тем не менее,

окутывающей слабостью и естественное заключение...» отчеркнут на полях жирной красной чертой. Это след работы над ним в Министерстве иностранных дел, либо самого министра, либо сотрудника политического отдела, который, готовя рапорт на доклад, выделил самые значимые, на его взгляд, отрывки.

¹⁵Другими словами, Конституционной хартии, дарованной Людовиком XVIII в результате реставрации Бурбонов 4 июня 1814 г. и установившей в стране конституционную монархию.

¹⁶Речь идет о первом цензурном уставе от 9 июня 1804 г., в соответствии с которым все книги и сочинения, подлежащие распространению в обществе, должны были в обязательном порядке проходить цензуру. См.: Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.

¹⁷Новосильцев Николай Николаевич (1761–1831) – один из ближайших сподвижников Александра I, член так называемого «Негласного комитета», с октября 1804 г. товарищ министра юстиции. В 1825 г. он вот уже четыре года как состоял советником и доверенным лицом при наместнике Царства Польского великом князе Константине Павловиче.

в течение 12-летнего периода, было привнесено много нерадения в исполнение этого регламента, в силу того ли, что не сочли необходимым его строгое соблюдение, либо скорее в силу того, что внимание правительства было поглощено более важными делами. Вышло так, что возложили ответственность на владельцев книжных магазинов за продажу всякой книги, содержащей губительные доктрины, или даже сомнительные высказывания относительно правительства, религии или морали. Те из них, кто нарушил предписания этого ордонанса сразу после его обнаружения, были сосланы во внутренние области или даже депортированы на границы: свидетели тому книготорговцы Арткнок из Риги, Динман из Петербурга и некоторые другие.

В июне месяце 1816 г., в силу того, что эти меры были сочтены недостаточными, была учреждена цензурная комиссия, должная быть составленной из значительного числа гражданских государственных служащих, знающих толк в изучении литературы и наук. Были определены в этих целях чиновники для канцелярских работ, секретарь для русской корреспонденции, другой для иностранных языков, третий, наконец, который должен был исполнять обязанности библиотекаря. Но вследствие того самого духа нерадения и стагнации, который характеризует действия русской администрации, этот комитет до настоящего времени не получил окончательной организации и никогда не был приведен в действие.

Однако, в то время как эти разные проекты чахли, не демонстрируя положительных результатов, организовались в разных министерствах специальные цензуры, которые стали предметом активного наблюдения со стороны глав этих департаментов. Министерство полиции возложило на себя цензуру иностранных книг, и цензуру в то же время национальных трудов, которые могли оказывать наибольшее воздействие на общественное мнение. Борьба с брошюрами и элементарными книгами, опубликованными в России, выпала на долю Министерства народного просвещения. Министерство внутренних дел осуществляло цензуру театров, газет, анонсов, афиш, в то время как Департамент иностранных дел обрел власть над печатными изданиями и газетами, прибывающими из-за рубежа. Каждый из этих министров действовал обособленно, следуя своим собственным представлениям о крамоле. Только в тех случаях, когда речь шла о статьях на исторические или политические темы, в особенности деликатные или представляющие большой интерес, они действовали с опорой на общепринятые принципы и общие базы. При

всех этих обстоятельствах им часто случалось следовать диаметрально противоположной дорогой: так, когда издание принадлежало к компетенции двух разных министров, бывали случаи, когда один одобрял то, что порицал другой, и эти противоречия становились изо дня в день все более многочисленными и все более удивительными среди людей, которые подчиняясь настроению дня, не имели ни определенных идей, ни постоянства в принципах. Такая разница во мнениях оказалась достаточной для того, чтобы доказать насколько комитет министров состоял тогда из разнородных элементов.

Время от времени, однако, когда какое-нибудь примечательное событие или из ряда вон выходящая книга привлекали к себе внимание Императора или графа Аракчеева¹⁸, тогда цензура, руководимая верховными указаниями, могла быть рассматриваема как выражение воли, не приемлющей ни ограничения, ни диссидентства.

Из всего вышеизложенного следует, что в ходе этой эпохи и длительное время после нее, цензура, основанная на регламентах, скорее вышедших из употребления, нежели реально ликвидированных, бродила без определенного правила, по воле каприза и самоуправства. Эта неопределенность и недостаток легальности имели естественным следствием возложение на личность цензоров опасной ответственности, от которой ничто не могло их уберечь. Понятно поэтому, насколько их позиция должна была быть неустойчивой посреди этого постоянного изменения мнений и идей, так что на завтра оказывалось достойно осуждения то, что накануне могло заслужить похвалы. Неудивительно, что со временем стало трудно найти цензоров: те, кто побывал на этой должности, отказывались под разными предлогами исполнять возложенные на них обязанности. Каждый, ссылаясь на собственную некомпетентность, отправлял своему коллеге книги, по которым ожидали его решения, и ничто не становилось большей редкостью, чем одобрение цензора, за исключением изданий, лишенных всякого интереса, или книг по математике. Быть может также эти отсрочки, эти отказы происходили из другой причины. В России образование еще не опустилось до уровня средних классов, и питает живительным соком исключительно высшие классы общества: из этого следует, что должность цензора, мало ува-

¹⁸Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) – могущественный временщик эпохи царствования Александра I, член Государственного совета (с 1810 г.) и главный начальник Императорской канцелярии (с 1812 г.), снискавший себе непопулярность жестокостью в реализации идеи военных поселений.

жаемая, малодоходная и подчиненная всем неудобствам, на которые мы только что указали, должна быть занимаема только индивидуумами малоспособными к ее исполнению. Возможно ли, действительно, представить себе, что человек порядочный, ведущий честное существование, дающий гарантии своим рождением или своей нравственностью, имеющий обширные понятия, глубокие познания, захотел бы за малую выгоду и еще меньше почести, подставить себя под угрозу суровых преследований и быть может навлечь на себя строгости ссылки? Поэтому, когда вследствие принятой системы, первые цензоры вышли на пенсию, они были, как правило, заменены лишь безвестными и невежественными индивидуумами, которые отказывались высказывать суждение о книге, потому что были неспособны сформировать его самостоятельно.

К тому же, следует заметить, что нигде в другом месте цензура не обставлена столькими трудностями и препятствиями. Знание языков повсеместно распространенное среди титулованных особ в соединении с манией к библиотекам, которая распространяется день ото дня, влечет ввоз в Россию книг пользующихся наибольшей известностью из разных литератур. Но поскольку не существует здесь сейчас общего списка запрещенных книг, номенклатура, которая, впрочем, была бы невозможной, поскольку она должна была бы включить в себя две трети по меньшей мере, из существующих книг, цензорам необходимо прочитывать на иностранном языке, по мере их прибытия, сочинения часто объемные: необходимо даже, чтобы прочтение их было достаточно внимательным, чтобы оно могло определить решение, которое само по себе должно установить прецедент. Все эти причины вместе взятые являются также препятствиями к добросовестному осуществлению цензуры, и приводят к тому, что редко встречаются среди тех, кто ею руководит, моральные и литературные гарантии, которые единственно могли бы облагородить исполнение их должностных полномочий.

Тем не менее, справедливо сказать, что с момента отставки князя Александра Голицына¹⁹ и разных изменений, которые произошли в мини-

¹⁹Голицын Александр Николаевич (1773–1844) – доверенное лицо Александра I, обер-прокурор Святейшего Синода, в 1816 г. возглавил Министерство народного просвещения, которое в 1817 г. было объединено с ведомством духовных дел, образовав Министерство духовных дел и народного просвещения. Голицын оставался во главе объединенного министерства до 1824 г., зарекомендовав себя как крайне придирчивый чиновник, насаждавший благочестие в учебных заведениях и с подозрением относившийся к современной ему литературе, что выразилось в цензурных строгостях. 15 (27) мая 1824 г. в

стерстве, царит больше единства и согласия в действиях цензуры. Она сегодня сконцентрирована в Министерстве народного просвещения и внутренних дел, к которому было присоединено Министерство полиции; министерство иностранных дел оставило в своем ведении наблюдение над иностранными изданиями, и во всех сомнительных случаях оно руководствуется в этом деле немедленными распоряжениями Императора. Руководители департамента внутренних дел и народного просвещения, тайный советник Ланской²⁰ и адмирал Шишков²¹ кажутся одушевленными сходными принципами и руководимы одинаковыми намерениями. Оба, впрочем, пользуются, как говорят, полным доверием генерала Аракчеева, чего достаточно для того, чтобы объяснить специфику направления, которому они по видимости следуют.

Было бы легко и к месту множить здесь цитаты для того, чтобы доказать до какой в высшей степени смехотворной чувствительности доведена в России боязнь губительных последствий от прессы. Список главных изданий, которые власть совсем недавно указала цензуре как не должны быть более допущены в Империю, и как должны служить основой ее решений для тех, кто не включен в него, будет достаточным, чтобы составить об этом точное и справедливое представление. Мы же ограничимся тем, что добавим, что часто одна единственная фраза, одна линия, одно слово кажутся цензуре достаточной причиной для того, чтобы подвергнуть запрету все издание. Так, например, книга под заглавием «Лондон в 1819 г.» подверглась запрету по рапорту от 29 мая 1820 г. по причине одного выражения против Библейского общества в целом. Цензура в театре выглядит еще более подозрительной и иногда даже смехотворной. Она довлеет своей железной рукой над самым легким водевилем и все, вплоть до малейшего романа, вплоть до импрови-

результате интриг его недоброжелателей из православной партии А. А. Аракчеева, митрополита Серафима и архимандрита Фотия, князь Голицын был отправлен в отставку.

²⁰Ланской Василий Сергеевич (1754–1831) – генерал-майор, масон, управляющий Министерством внутренних дел Российской империи с 1823 по 1827 гг.

²¹Шишков Александр Семенович (1754–1841) – писатель, создатель литературного кружка «Беседы любителей русского слова», государственный деятель, приложивший значительные усилия для гальванизации патриотического чувства в 1812 г., адмирал. Член Государственного совета, с 1820 г. активно выступал против деятельности князя А. Н. Голицына, упрекая его в распространении антиправославного мистицизма через деятельность Библейского общества. В 1824 г. заменил Голицына в качестве министра народного просвещения и главноуправляющего делами иностранных вероисповеданий.

зированной куплета, в пользу публикации которого царит единодушие, должны подвергнуться испытанию ужасных ножниц: это испытание им часто фатально; не всякий, кто захочет, публикуется в России.

Император, однако, старается скрыть эти мелочные придирки от глаз иностранцев: пряча реальное состояние своей Империи под внешними проявлениями уважения к цивилизации, зачастую когда ему посвящается какое-нибудь литературное сочинение, он вознаграждает автора и встает на защиту его работы; так, в то время как он адресовал 2-му де Ламартину²² письмо наполненное комплиментами и восхвалениями, в Петербурге подвергли запрету второй том «Поэтических медитаций» за некоторые пассажи оды о Наполеоне. Автор «Истории казаков»²³ вынужден был в свою очередь утешаться драгоценным кольцом, которое было ему вручено как свидетельство императорского удовлетворения, из-за невозможности ввоза в Россию ни одного экземпляра его книги. Еще совсем недавно, один остроумный писатель хорошо известный своим «Путешествием вокруг моей комнаты» и «Кавказскими пленниками»²⁴, несмотря на доброжелательное отношение, встреченное им в приемной стране, и яркие краски, к которым он прибегает при ее описании, увидел отложенным принятие его трудов, потому что неосторожный издатель вставил в предисловие неблагозвучную фразу.

²²Альфонс де Ламартин (1790–1869) – французский поэт романтического направления, автор вышедшего в 1820 г. сборника стихов «Медитации», имевшего сразу большой успех, и за которым последовал второй сборник «Новые медитации» (1823).

²³Подразумевается Шарль-Луи Лезюр (1770–1849) – французский публицист, издавший в 1814 г. «Историю казаков» в 2-х томах in-8°. См.: *Corbet Ch. L'Opinion française face à l'inconnue russe, 1799–1894. Paris, 1967.*

²⁴Имеется в виду Ксавье де Местр (1763–1852) – младший брат Жозефа де Местра, известного идеолога консерватизма. Уроженец Савойи, Ксавье де Местр оказался на положении эмигранта после вторжения туда французских революционных войск в 1792 г. Его первое произведение «Путешествие вокруг моей комнаты» появилось в 1794 г. в Турине и впоследствии неоднократно переиздавалось. В 1799 г. К. де Местр поступил на службу в русскую армию как офицер Сардинского королевства при штабе Суворова и принял участие в Альпийском походе, но после опалы Суворова оказался не у дел. С 1805 по 1810 г. исполнял обязанности директора Морского музея, с 1810 по 1812 гг. в чине полковника воевал на Кавказе, в ходе Отечественной войны служил в 3-й армии под командованием генерала А. П. Тормасова. При этом продолжал сочетать военную службу с литературными занятиями, издав в 1815 г. на французском языке в Париже новеллу «Кавказские пленники». После отставки в 1816 г. в звании генерал-майора К. де Местр жил как в России, так и за границей.

Потребовалось, во что бы то ни стало, подкорректировать предисловие. Эти препятствия в особенности затруднительны для книгопродавцев, которые, несмотря на цепетильную осторожность, которую они навязывают своим корреспондентам за границей, видят, тем не менее, каждый год, задержанными на таможне или на границах три четверти литературной продукции, предмета их торговых спекуляций.

Но, несмотря на эти ограничения и мелкие придирки ничто не было сделано больше для привлечения внимания публики, чем строгость, проявленная по отношению к немецкой книге, хорошо известной под названием «Разговорная лексика». Это дело вызвало столько шума в Петербурге, оно столь хорошо выпячивает все, что позиция цензора имеет неприятного и непрочного; оно дает в то же время столь справедливое представление об административных действиях правительства и оккультных и строгих формах правосудия, что не будет излишним привести здесь детали и предложить их вниманию министров Короля.

С 1815 г. «Разговорная лексика или Энциклопедический словарь», опубликованный Брокгаузом в Лейпциге²⁵, подвергся запрету цензурным комитетом Министерства внутренних дел. Было отдано распоряжение, что ни одного экземпляра его не будет выпущено, если он не будет иметь печати цензуры, которая разрешила или убрала 12 из 15 статей, среди которых Петр III, Павел I, Потемкин, Орлов, Аустерлиц, Александр I, Аракчеев, Греческая церковь и некоторые другие. Суждение автора об этих различных предметах показалось российскому правительству несправедливым и слишком строгим: оно было лишь непредвзятым. Как бы то ни было, эта манера урезать книгу произвела на публику столь неприятное впечатление, что в ноябре месяце 1816 г., комитет министров был вынужден действовать иначе и с тех пор словарь оказался просто и полностью под запретом. Тем не менее, это издание, как и многие другие, так же получившие равное неодобрение, не прекратило полностью циркулировать. По просьбе некоторых знатных особ и известных писателей, продажа книги продолжала осуществляться, на что министерство закрывало глаза. Те, кто удостоивался позволения на запрещенную книгу, получали от секретаря по цензуре специальное разрешение им подписанное, по представлению которого специально приставленный к этому книгопродавец получал право вручить книгу; и разрешение цензора, которое оставляли в руках книгопродавца, осво-

²⁵Издание известно также как «Conversations-Lexicon» или «Real Encyclopedie».

бождало этого последнего от всякого рода преследований. Таких разрешений было выдано от 60 до 70. Приходится констатировать, тем не менее, что в Петербурге было роздано намного большее их количество, и книгопродавец Брокгауз, в предисловии к 4-му изданию своего словаря, поздравляет себя с успехом, который он, по-видимому, приобрел среди русских. Ввоз этой книги без сомнения происходил через посредство путешественников или другими непонятными методами, применение которых становится легким в силу взяточничества таможенников и их небрежения.

В марте месяце этого года действительный статский советник Магницкий* отправил одного из своих шпионов, по фамилии Любомиров²⁶, к книгопродавцу Греффу²⁷ для приобретения энциклопедического словаря. Грефф представил просьбу Любомирова секретарю цензуры Гуммелью²⁷ с уверением, что покупатель ему известен как ученый, могу-

*Примечание Лагрена: «Этот Магницкий, прежде агент и фаворит министра Голицына, стал вскоре его отъявленным недругом, когда увидел, что близится его отставка. С тех пор он поступил на жалованье к генералу Аракчееву и приобрел известность шпионской деятельностью и оговорами. Поддаваясь своей раздражительности и воздействию желчного характера, он осмелился напасть на самого адмирала Шишкова и разоблачил его во всеуслышание. Но в силу того, что кредит адмирала оказался сильнее кредита разоблачителя, этот последний был сослан в Казань, чтобы руководить там университетом в роли попечителя. Говорят, что он лишился всех остальных своих должностей. Вот уже шесть месяцев как о нем нет более речи».

Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1844) – протеже А. Н. Голицына, затем А. А. Аракчеева, он после нескольких лет опалы за сотрудничество со Сперанским, пошел в гору по карьерной лестнице. Назначенный сперва вице-губернатором в Воронеж, потом гражданским губернатором в Симбирск, в 1819 г. он член Главного правления училищ и большой почитатель Библейского общества, на заседаниях которого проявился его крайний обскурантизм. Деятельность Магницкого в Казанском университете отмечена была увольнением 11-ти профессоров и насаждением Святого Писания вместо науки. В 1826 г., после расследования проведенного Николаем I, Магницкий был отставлен от должности попечителя.

²⁶Трифон Любомиров – доктор медицины при Александре I.

²⁷Вильгельм Грефф – книгопродавец в Санкт-Петербурге. См.: Гринченко Н. А. Книготорговая фирма В. Греффа – Э. В. Гетца: из истории иностранной книжной торговли в Санкт-Петербурге в первой половине XIX века // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 1 (10) март. С. 84–88.

²⁷Гуммель Давид Иванович (1789–1836) – библиотекарь с 1816 г., секретарь по иностранной части в Цензурном комитете Министерства полиции, впоследствии

ций иметь надобность в этом труде; так что Гуммель не чинил никаких препятствий при выдаче ему просимого разрешения. Тут же Магницкий наспех распорядился сделать извлечения и русские переводы более или менее точные из инкриминированных статей, и поспешил адресовать графу Аракчееву мотивированное разоблачение против книгопродавцев, которые занимались нелегальным сбытом «Разговорной лексики». Вследствие этой денонсации, начальник полиции, примерно три месяца назад, устроил ночную облаву у продавца Греффа, и арестовал его прямо в постели. Препровожденный к генералу Аракчееву, и допрошенный, по какому праву он продал запрещенное издание, Грефф произвел незамедлительно в свое оправдание цензурные разрешения, среди которых находилось разрешение от Любомирова. Его тотчас же выпустили на свободу: но от всех книгопродавцев потребовали список проданных экземпляров энциклопедического словаря, а также цензурные разрешения.

Ничего не просочилось об этом деле до августа месяца. Но 19-го этого месяца у князя Куракина²⁸ были отстранены на время от исполнения своих обязанностей коллежский советник Гуммель, действительный секретарь по цензуре, и придворный советник Лерх²⁹, который до 1819 г. исполнял ту же самую должность при министре внутренних дел: с тех пор он был полностью удален от дел. Оба они были препровождены и допрошены перед секретным трибуналом³⁰, о существовании которого никто здесь не подозревает пока, и о составе которого автор этой записки узнал по счастливой случайности. Оккультные и таинственные формы этого опасного комитета напоминают, как говорят, прежние столь ужасные инквизиторские комиссии. Все те, кто предстает перед ним,

Министерства внутренних дел.

²⁸Куракин Алексей Борисович (1759–1829) – действительный тайный советник, генерал-прокурор в 1796–1798 гг., министр внутренних дел с 1807 по 1810 гг., после ухода с поста министра, с января 1811 г. – в Государственном совете, председатель департамента гражданских и духовных дел.

²⁹Лерх Густав Васильевич (1790 – после 1861) – секретарь в цензурном комитете с 1816 по 1820 гг., впоследствии консультант в юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел.

³⁰«Секретный трибунал», о котором с явным ужасом упоминает Лагрене – это не что иное, как Комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общественного порядка, часто именуемый «секретным комитетом», учрежденный 13 января 1807 г. для привлечения к ответственности лиц, заподозренных в шпионаже. Действовал до 1829 г. См.: Деревнина Т. Г. Из истории образования III отделения // Вестник Московского Университета. Серия IX. История. 1973. № 4. С. 56.

должны поклясться на книге Евангелия не разглашать ничего из того, что они видят, ни из того, что они слышат. Это в его ведении находятся значимые политические дела, это он должен решать в последней инстанции щекотливые вопросы и секретные мотивации, к которым имеют отношение важные решения. Ничто не разглашается из его деятельности, и повторяем, мы обязаны своим знанием разных членов его составляющих исключительно случаю.

Вот их имена:

Князь Лопухин³¹ Председатель

Князь Куракин Вице-председатель

Князь Лобанов³² (министр Юстиции)

Тайный советник Ланской (руководитель Министерства внутренних дел)

Статский советник Лавров³³ Секретарь

Энгельсон Протоколист

После раздельного допроса, которому подверглись г-да Лерх и Гуммель перед этим трибуналом, оба внезапно исчезли, и в течение трех недель подряд о них не было более слышно. С тех пор стало известно, что они были препровождены в крепость³⁴, помещены в одиночную камеру Государственной тюрьмы, что с ними обращались так, как если бы речь шла о наиважнейшем деле, и оставлены в полном неведении относительно уготованной им судьбы.

Внезапное исчезновение двух обвиненных цензоров, в особенности исчезновение г-на Лерха, отца семейства, видного юрисконсульта, пользующегося всеобщим уважением, стало вскоре предметом всеобщего внимания и распространило беспокойство среди всех тех, кто испытывал интерес к его персоне. Между тем, комитет продолжил расследо-

³¹Лопухин Петр Васильевич (1753–1827) – светлейший князь, действительный тайный советник 1-го класса, с 1807 г. возглавлял Комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия, в ведение которого входили дела об оскорблении величества, государственной измене, тайных обществах, распространении подрывных для режима слухов, с 1810 г. – председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета. С 1816 г. – председатель Государственного совета и Комитета министров.

³²Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович, князь (1758–1838) – действительный статский советник, сделавший успешную военную карьеру, с 1813 г. член Государственного совета, с 27 августа 1817 г. в должности министра юстиции и генерал-прокурора, почетный член Российской академии с 1823 г.

³³Лавров Иван Павлович (1768–1836) – сенатор.

³⁴В Петропавловскую крепость.

вать дело и выспросил все сведения, которые были ему необходимы, у главы департамента цензуры, г-на де Фока³⁵, который также был помещен под следствие, но не подвергся аресту. Вследствие этих демаршей, которые велись в то время, как подозреваемые находились под арестом, рапорт был представлен Императору, который распорядился об окончательном освобождении г-на Лерха и о временном освобождении коллежского советника Гуммеля³⁶.

Расследование по делу этого последнего и г-на Фока активно продолжают. Оба были совсем недавно допрошены и предстали перед секретным комитетом в присутствии графа Аракчеева, и тотчас же Императору был представлен детальный доклад по случаю этого второго допроса. Е. И. В. (Его Императорское Величество – Т. Г.) захватило с собой в путешествие³⁷ все бумаги, имеющие отношение к этому делу, окончательное решение по которому заставляет себя пока ждать и не может быть предсказано.

Такова ответственность, которая довлеет сегодня над цензорами; ответственность, которая не теряет силу даже по истечении многих лет, и только смерть может положить ей конец³⁸. Этот грустный при-

³⁵Максим Яковлевич фон Фок (1775–1831) – действительный статский советник, чиновник Министерства полиции с 1811 г., директор Особенной канцелярии Министерства внутренних дел с 1819 по 1825 гг., после восстания декабристов занимался по указанию Николая I реформированием системы политического сыска. С 1826 г. – управляющий Третьим отделением, фактический глава тайной полиции России.

³⁶См. статью Н. А. Гринченко, в которой подробно рассматриваются все обстоятельства этого дела: *Гринченко Н. А. “Conversations-Lexicon” и его цензурная история в России // Книга: Исследования и материалы. М., 2005. Сб. 83. С. 245–253; Материалы по делу цензоров хранятся в РГИА: Ф. 772. Оп. 1. Д. 194, 334, 1452.*

³⁷Как оказалось, это было последнее путешествие императора. Выехав 1 сентября 1825 г. из Царского села, Александр I отправился на юг России. Целью путешествия был Таганрог, куда должна была прибыть императрица Елизавета Алексеевна, которой врачи прописали перемену климата. Прибыв в Таганрог в середине сентября, император посетил затем Азов и устье Дона, в начале октября отправился в Крым. 27 октября по пути из Балаклавы в Георгиевский монастырь Александр I сильно простудился и вернулся в Таганрог уже тяжелобольным, а 19 ноября скончался.

³⁸В конечном итоге, окончательное решение по делу цензоров было вынесено уже в царствование императора Николая I. Все дело было признано «как бы не существовавшим», ибо следствие пришло к выводу, что «правил и инструкций для цензуры по сие время нет, а оттого все действия оной были произвольные». См.: *Мильчина В. А. Русская цензура Александровской эпохи глазами французского*

мер довел до крайней степени беспокойство среди тех, кто руководил цензурой или предполагал однажды ею заняться: и сомнительно, что в будущем правительство сможет найти ответственных агентов, разве что расценивать назначение на эти должности как строгое наказание. По этой причине обычно предполагают, что эта важная ветвь общественной администрации будет окончательно организована на более фиксированных и более солидных основах³⁹. Королевское посольство ничем не будет пренебрегать для того, чтобы в точности информировать министерство о мерах, которые могли бы быть приняты в этом отношении.

В соответствии с соображениями, изложенными в этой записке, и частичных решений, исходящих либо от Императора, либо от разных министров, вот какими представляются, на сей момент, правила, коими должна руководствоваться цензура в суждениях, которые она призвана произносить.

1°. Ликвидировать все книги, которые содержат принципы или выражают революционные или попросту либеральные предпочтения; те, в которых говорится о конституциях, за исключением тех, в которых критикуются получаемые от них преимущества и выставляются на передний план их нежелательные последствия; все те также, в которых речь идет о революциях во Франции, Неаполе, Сардинии, Испании и Португалии, и более того также все писания в пользу Греции⁴⁰; ликвидировать также книги, направленные против мер принятых на разных конгрессах⁴¹ союзными державами; те, что касаются, даже не напрямую,

дипломата // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи: В 2 ч. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. Ч. 1. Прим. 29. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/541973.html> (Дата обращения 05.10.2015).

³⁹ Действительно А. С. Шишков спустя всего лишь десять дней после своего назначения на пост министра народного просвещения и главного управляющего иностранными вероисповеданиями представил доклад о необходимости ужесточения цензуры, на что получил одобрение Александра I.

⁴⁰ Имеются в виду Французская революция 1789–1799 гг., разразившееся под ее влиянием восстание 1799 г. в Неаполе, революции в Неаполе и Пьемонте 1820–1821 гг., революции в Испании 1808–1814 гг., 1820–1823 гг., революция в Португалии 1820–1823 гг., национально-освободительная война в Греции против османского владычества, начавшаяся в 1821 г., иначе говоря Греческая революция (1821–1829).

⁴¹ Венским конгрессом 1814–1815 гг. открывается так называемая «эпоха конгрессов» Священного союза, на которых решаются судьбы континента и

великого союза⁴², как и те, что могли бы нанести ущерб правам или быть предосудительными для фигуры легитимного государя; упразднить также все книги, которые говоря об истории последних лет или о духе последнего века, выражаются по их поводу со слишком большой свободой, или очевидно представляют современные события с философской точки зрения; те, чья тенденция направлена к новым идеям, которые с непредвзятостью сравнивают современные институты и устаревшие формы абсолютных правительств; все те, одним словом, которые могут пробудить у народа пребывающего в оцепенении, но способного на движение и действие, желание честной независимости и законной свободы.

Те правила, которые мы только что перечислили в отношении политической и литературной продукции, смогут легко применяться к слежке за газетами. Было бы слишком утомительно приводить здесь подробный список всех тех, доступ которых на территорию Империи строго-настрога запрещен. Те, по отношению к которым было проявлено меньше строгости, и список которых здесь прилагается, с трудом избегают частичных упразднений, более или менее частых. Так, вот уже несколько месяцев, из 20-ти номеров «*Journal des débats*»⁴³, 5, по меньшей мере, были арестованы цензурой, и изъяты от взоров национальных подписчиков. Если эта газета сохранит тот же дух, которым были ей недавно продиктованы несколько статей, государственный секретарь, в ведение которого входит слежка за иностранными газетами, положительно угрожал ей полным и близким запретом. Только дипломатический корпус вследствие специальной и вполне естественной привилегии, может осуществлять подписку на запрещенные газеты, он получает

обсуждаются мероприятия для борьбы с революционными движениями народов: в Аахене 1818 г., в Троппау (октябрь-декабрь 1820), в Лайбахе (январь – май 1821), в Вероне (октябрь – декабрь 1822).

⁴²Имеется в виду Священный союз (la Sainte-Alliance) — союз христианских государей, опиравшийся на религиозно-политический консерватизм с целью поддержания установленного на Венском конгрессе международного порядка. Подписанный 14 (26) сентября 1814 г. Россией, Пруссией и Австрией, союз впоследствии расширился за счет присоединения всех монархий континентальной Европы, кроме Англии, Папской области и Османской империи.

⁴³«*Journal des débats politiques et littéraires*» («Газета политических и литературных дебатов») — влиятельная французская газета, выходившая в Париже с 1789 по 1944 гг., в 1825 г. редакция газеты находилась в оппозиции к французскому правительству, публикуя на своих страницах статьи Шатобриана в защиту свободы печати. См.: *Шатобриан Р. де. Замогильные записки. М., 1995. С. 346–350.*

также запрещенные цензурой номера тех периодических изданий, которые обыкновенно разрешены к ввозу⁴⁴: цензура тогда для того ли, чтобы испросить неразглашения или продемонстрировать свои права на признательность, ставит на осужденные номера свою запретительную печать. Даже «L'Étoile»⁴⁵ и серьезный «Moniteur»⁴⁶ не освобождены от этой роковой дани; а бывали случаи, когда и безобидная «Gazette de Francfort»⁴⁷ могла похвалиться тем, что сумела встревожить пугливых цензоров Петербурга.

Стоит отметить, касательно газет, что слежка за ними более или менее сурова в зависимости от языка, на котором они печатаются. Так, например, меньшие суровости практикуется по отношению к английским газетам, которые насчитывают лишь малое количество подписчиков и все среди образованных людей, которые не нуждаются в газетной статье для того, чтобы сформировать мнение, чем по отношению к немецким газетам, которые могут пробудить страсти многочисленного класса, промышленного и тяготеющего к независимости. Французские газеты будут подвергаться еще более строгому отслеживанию вследствие привычного недоверия, которому подвергается здесь все, что происходит из страны, коей правительство приписывает нечто вроде магического действия или таинственного влияния, и малейшее мнение которой находит сразу же тысячи откликов в Европе. Но какова бы ни была суровость применяемая цензурой по отношению к слежке за газетами из Германии и Франции, эта суровость больше тяготеет еще над теми, которые печатаясь на национальном языке, адресуются непосредственно к народу, или, по меньшей мере, ему доступны. Все там напоминает институты абсолютного правительства: в них соблюдает-

⁴⁴К своему рапорту Лагрене приложил «Роспись иностранным газетам и периодическим сочинениям С.-Петербургского почтамта газетною экспедициею на 1825 год выписываемым, с показанием годовой цены определенной ныне Берлинским почтамтом», в которой фигурировали газеты на немецком, французском и английском языках.

⁴⁵«L'Étoile» («Звезда») – газета на службе крайне консервативного правительства Жозефа Виллеля (1822–1828), в 1825 г. она была переименована в «Gazette de France».

⁴⁶«Le Moniteur universel» («Универсальный вестник») – официальный орган французского правительства, на котором возлежала обязанность публиковать отчеты о парламентских дебатах. Основанная в 1789 г. в Париже, эта газета выходила в свет до 1901 г.

⁴⁷«Journal de Francfort» («Франкфуртская газета») — вполне благонадежная франкоязычная газета, выходявшая в немецком Франкфурте.

ся самое глубокое молчание относительно значительных политических вопросов, которые вот уже 6 лет последовательно волновали все части Европы, и невозможно не проникнуться убеждением, читая их, что на свете есть нации управляемые иначе, чем русский народ.

Надо отметить, что строгость, которая практикуется в отношении газет, выходящих в Петербурге, не столь значительна в отношении газетных листов, публикуемых в других уголках Империи. Так, Рижский «Le Spectateur»⁴⁸ не опасается желчно насмехаться над Венским кабинетом в связи с его мусульманскими наклонностями, и в то время как подвергаются упразднению все книги благоприятствующие греческому вопросу, он спешит отражать каждое событие благоприятное эллинам, и даже находит удовольствие в том, чтобы повторять много раз одни и те же новости. Эти противоречия, тем не менее, кажутся нам вполне объяснимыми, и даже подтверждают наблюдения, изложенные выше, по отношению к газетам Риги, города по преимуществу немецкого, и чьи жители в большинстве своем исповедуют реформированную религию, греческий вопрос для них это не более чем общий гуманитарный вопрос. Поэтому интерес, внушаемый этим делом, действует на ливонцев менее активным образом и намного менее опасным, чем на умы русского народа, который исповедует ту же веру; который, впрочем, больше значения придает религиозным доктринам, который презирает и ненавидит турок; который видит себя скомпрометированным в своих интересах и уязвленным в своей гордости. Именно так, возвращаясь к тому, с чего мы начали свою записку, один изолированный факт цензуры смог нас привести к разбору мнения правительства касательно диспозиций немецких провинций и сравнению того, как обстоят дела в Риге с тем, что делается в Петербурге, может нам прояснить причину его беспокойства и тайных его опасений.

2°. Кроме изданий, упомянутых выше, цензура должна будет упразднить все книги, которые содержат рассуждения относительно деликатных вопросов истории России; те еще, которые позволили бы себе легкомысленные высказывания о своих государях, о действительных членах императорской семьи или даже о генералах, администраторах, или государственных людях современности, которым довелось играть

⁴⁸«Зритель». Имеется в виду литературно-политический журнал «Der Zuschauer», основанный в 1807 г. в Риге ливонским публицистом Гарлибом Меркелем (1769–1850) и выходивший под девизом «Sapere aude!» («Осмелюсь быть мудрым!») до 1831 г.

роль в этой Империи: все те, наконец, которые говорят непредвзято о современном состоянии российской цивилизации и промышленности; и в общем обо всем, что имеет отношение к военным учреждениям, судебной иерархии, законам и криминальной юриспруденции России.

В соответствии с этими принятыми принципами, подверглись запрету недавно разными указами и между прочим секретным приказом власти, перевод которого прилагается к этому рапорту, большое количество книг, ввезенных с последней навигацией⁴⁹ и вот список наиболее замечательных среди них:

«Политика» Аристотеля

«Универсальная биография»: братья Мишо

«Наполеон и Великая армия» (Сегюр)

«Полное собрание сочинений лорда Байрона»

«Биография современников»

Путешествие в Англию и в Россию (Монтюле)

«Отшельник в Италии»

«История тайных обществ»

«История Французской революции» (за авторством Тьера и Бодена) и, без различия, все, что имеет отношение к этому сюжету.

«Моральная и политическая галерея» (Сегюр)

«История и дом Австрии» (Кокс)

«О религиозной свободе» (Бенуа)

«Анналы правления Георга III»

«Критическая и рассудительная история Англии (Монтвоар) как и почти полный перечень трудов об Англии.

Сочинения г-на де Прадта⁵⁰

⁴⁹См.: Общий алфавитный список книг на французском языке, запрещенных иностранною цензурою с 1815 по 1853 год включительно». СПб., 1855.

⁵⁰Дюфур де Прадт, Доминик (1759–1837) — аббат, духовник императора Наполеона, назначенный в 1812 г. послом в Великое герцогство Варшавское, он своим бездействием на этом посту вызвал гнев Наполеона и опалу. В 1814 г. Прадт деятельно участвовал в возвращении Бурбонов, однако впоследствии пополнил ряды либеральной оппозиции и сочинил ряд произведений на злободневные политические сюжеты, имевшие большой успех, благодаря блестящему стилю, остроумию и сатирическим выпадам автора: «О Венском конгрессе» (Париж, 1815–1816), «Европа после Аахенского конгресса» (Париж, 1819), «Карлсбадский конгресс» (Париж, 1819–1820), «Параллель между русской и английской державами по отношению к Европе, дополненная обзором современной ситуации в Греции» (Париж, 1823).

Все мемуары, анекдоты и воспоминания, имеющие отношение к истории Наполеона Бонапарта.

Большое количество философских сочинений разных немецких авторов.

Ставился также вопрос о том, чтобы подвергнуть запрету сочинения аббата Бартеlemi⁵¹ и часть сочинений Фенелона⁵². Но есть все основания полагать, что исполнение этого проекта отложено, по меньшей мере, на неопределенный срок.

Религиозная цензура

Вот все, что имеет отношение к политической части цензуры. Общие принципы ее должны быть применимы к цензуре религиозных изданий, в том, что можно назвать их политической связью с формой российского правительства. Достаточно будет теперь произвести быстрый анализ проделанного ею пути и модификаций, которые она испытала до сегодняшнего дня.

Для того, чтобы хорошо классифицировать эту последнюю часть нашей работы, необходимо будет обязательно добавить к ней некоторые соображения об учреждении, прогрессе и упадке Библейского общества⁵³ в России, потому что это общество, следствие системы

⁵¹Жан-Жак Бартеlemi (1716–1795) – французский писатель и лингвист, самым известным произведением которого явилась книга «Путешествие юного Анахарсиса по Греции» (Париж, 1788). Переведенная по указанию Александра I на русский язык и изданная в Москве в 19-ти томах (1803–1819), книга повествовала об общественной жизни древних греков, отразив интерес к принципам гражданской свободы в древности.

⁵²Фенелон Франсуа (1651–1715) — епископ Камбре, наставник внука Людовика XIV герцога Бургундского, для которого написал воспитательный роман «Приключения Телемака, сына Одиссея», изданный в 1699 г. Хотя и написанный на античный сюжет, роман отсылал к проблемам абсолютистской Франции и содержал утопические картины идеального государственного и общественного строя. Еще до появления данного произведения в печати Фенелон лишился расположения короля и был удален от двора за публикацию в 1697 г. книги в защиту квиетизма «Разъяснения высказываний святых касательно внутренней жизни».

⁵³Русское библейское общество было основано 11 (23) января 1813 г. для перевода, издания и распространения Священного Писания на русском языке и языках других народов Российской империи, первым председателем Общества стал князь А. Н. Голицын. За время своего существования с 1813 по 1826 г. Общество распространило более 400 000 экземпляров «Библии» в переводе на русский и др. языки. Голицын с помощью сотрудников Общества насаждал

соблюдавшейся в течение нескольких лет с жаром и упорством, само осуществляло непосредственное влияние на цензурную деятельность. Но для того, чтобы не добавлять к объему уже слишком обширному этого рапорта, мы сочли предпочтительным добавить к нему в форме приложения исторический обзор разных фаз в истории этого учреждения, столь по-разному оцениваемого его сторонниками и противниками. Читатель найдет данный документ в приложении к записке.

Религиозная цензура была подвергнута еще большим вариациям и неопределенностям, чем сама политическая цензура в министерство князя Александра Голицына, чьи мистические идеи и система религиозного слияния были в свое время сигнализированы Королевскому правительству, отслеживание теологических произведений находилось исключительно в ведении Министерства народного образования и культов. Князь принимал тогда с поспешностью все, что способствовало триумфу его излюбленного проекта, и отвергал без различия все другие. Сами произведения в пользу греческой религии, если они были продиктованы чувством нетерпимости и исключительности, не были защищены больше, чем другие. Министр одобрял напротив произведения, дух которых казался несовместимым с верой в истины, кои составляют догмы греческой религии: к началу прошлого года он разрешил даже печатание немецкой книги под названием «Дух жизни и учения Иисуса Христа в Новом завете», чей автор, некий Госснер⁵⁴, баварский священник, так называемый католик, по сути иллюминат, методист и фанатик, заявлял, что он не осмелится дискутировать вопрос о том «имела ли Свя-

клерикализм в учебных заведениях, многие профессора подверглись увольнению за недостаток набожности. После отставки Голицына встал вопрос о закрытии Общества. Новый его председатель митрополит Серафим представил в декабре 1824 г. Александру I доклад о связи Библейского общества с мистическими лжеучениями, однако приостановка его деятельности произошла в следующее царствование, указом императора Николая I от 12 апреля 1826 г.

⁵⁴Иоганн Евангелист Госснер (1773–1858) — баварский религиозный писатель, католический проповедник и миссионер. Деятель евангелического движения, он прибыл в Санкт-Петербург в 1820 г., в разгар увлечения придворных кругов мистицизмом, активный деятель Библейского общества. Автор книги «Дух жизни и учения Иисуса Христа, в размышлениях и замечаниях о всем Новом Завете», которая содержала нападки на православие, но несмотря на это была пропущена цензурой в мае 1823 г. В 1824 г. усилиями защитников русского православия книга была предана сожжению, переводчики, издатели, цензор и типографщики преданы суду, Госснер выслан за границу. См.: *Пылин А. Н. Религиозное движение при Александре I. СПб., 2000. С. 218–221.*

тая Дева после рождения И. Х. (Иисуса Христа – Т. Г.) других детей или нет». Это произведение, которое известные убеждения Госснера должны были сделать подозрительным для русских священников, привлекло вскоре его внимание, и было денонсировано самим митрополитом⁵⁵ комитету министров. Оно было заявлено «противным вере христиан и опасным для спокойствия Государств», и Император подтвердил это решение. Госснер был отправлен в ссылку: Попов⁵⁶, директор Министерства народного просвещения, а также цензоры Бируков⁵⁷ и де Поль⁵⁸ предстали перед судом за то, что дали разрешение на издание; и Сенат, перед которым слушалось дело, признав Попова невиновным, пока не произнесло никакого суждения по делу о виновности двух других⁵⁹.

Однако эта атака, направленная против двух главных агентов министра, кредит которого слабел со дня на день, привела вскоре к его отставке. Все изменилось с тех пор, никогда реакция не была более цельной и более полной. Было одобрено все, что он запрещал ранее: упразднили все, чему он способствовал. Религиозная цензура была вручена в руки русского священства, и цензура всех теологических изданий, без различия конфессии, осуществляется сегодня только Священным Синодом.

⁵⁵Митрополит Серафим (Глаголевский), с 1821 до самой своей смерти в 1843 г. митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский, член Библейского общества, которое возглавил в 1824 г., но констатировав увлеченность его членов протестантскими идеями, повел против него борьбу, равно как и против евангелических проповедников.

⁵⁶Попов Василий Михайлович (1771–1842) — действительный статский советник, увлекаясь мистицизмом, слушал проповеди Госснера в католической церкви Св. Екатерины на Невском проспекте. Секретарь Библейского общества, директор Департамента народного просвещения Министерства духовных дел и народного просвещения, откуда был уволен в 1824 г. почти одновременно с князем Голицыным и привлечен к суду по делу Госснера, но благодаря заступничеству Александра I был оправдан.

⁵⁷Бируков Александр Степанович (1772–1844) — цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета, в 1820-х гг. осуществлял цензуру произведений А. С. Пушкина, выдал разрешение на публикацию первой главы «Евгения Онегина» (1824), вероятно, из-за своего либерализма неоднократно становился мишенью доносов за пропуск сомнительных книг вроде сочинения Госснера, за которое даже попал под суд.

⁵⁸Шарль де Поль — цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета.

⁵⁹Судебное разбирательство по делу Бирукова и де Поля тянулось с 1824 до 1828 гг. и закончилось полным оправданием обоих цензоров. См. Русская Старина. 1879. Т. XXVI. С. 313. 1880. Т. XXVIII. С. 551. Шарль де Поль выдал впоследствии разрешение на издание церемониальных альбомов о траурных процессиях с телами императора Александра I и императрицы Елизаветы Алексеевны (1826).

*Мы видим протестантские проповеди, печатающиеся с разрешения русского священника, который, по-видимому, дозволяет, тем самым, догмы прямо противоположные его вере. Если цензор более последователен и более строг, он отказывается одобрить произведения, которые являются все же лишь верным отображением доктрин, исповедуемых теми, для которых они были написаны. Пример г-д Поля и Бирукова ужаснул всех тех, кто несет вместе с ними ответственность, и оказал на религиозную цензуру то же самое влияние, что дело г-д Лерха и Гуммеля на политическую цензуру. Таким образом, в течение года, не удостоилось одобрения ни одно произведение германской теологии, для которой в настоящий момент нет даже специального контролера. Но факт, который покажется курьезным и удивит еще больше, это то, что недавно, католический архиепископ Санкт-Петербурга, желая переиздать катехизис своего диоцеза, старое издание которого было раскуплено, тщетно представил его для одобрения всем издателям столицы. Никто из них не захотел возлагать на себя обязательство по публикации катехизиса, потому что цензор отказался поставить на него свой *Imprimatur*⁶⁰, под предлогом, что одобрения митрополита было достаточно, но, по сути, для того, чтобы не скомпрометировать себя. Катехизис, тем не менее, не публикуется и не будет опубликован.*

Достаточно будет теперь указать в двух словах общице правила, которые определяют применение религиозной цензуры.

Ликвидировать, без всякого исключения все мистические труды; все, высказывающиеся в защиту Библейского общества и различных религиозных сект; те также, которые имеют отношение к тайным обществам, считающимся как враждебные религии. Запретить с особым тщанием произведения католических теологов, в особенности книги о контроверзе и те, которые стремятся учредить авторитет папы и суверенитет Римского двора. — Запретить, наконец, все труды, замаранные философизмом и наибольшую часть продукции последнего века: прежде всего труды Руссо, Вольтера и их последователей⁶¹ или сектантов.

⁶⁰Лат. *Imprimatur* («Да печатается») – официальное одобрение литературного или другого труда на богословскую тематику, выносимое епископом и свидетельствующее о том, что в книге отсутствуют положения, противоречащие доктринам Католической церкви.

⁶¹Вольтер, Франсуа-Мари Аруэ (1694–1778), Руссо Жан-Жак (1712–1778) — крупнейшие французские философы-просветители XVIII века, оказавшие влияние на прогрессивную мысль последующих эпох. Вольтер приобрел известность как беспощадный враг церкви и клерикалов, пропагандируя

Вследствие этого, подверглись уничтожению книги 2-жи Гюйон⁶², напечатанные в Санкт-Петербурге приказом предыдущего министерства; книги 2-на Фелис⁶³, защитника Библейских обществ; теологические сочинения Сведенборга⁶⁴; дух Нового завета за авторством Линдлея⁶⁵ и значительное количество других произведений того же рода в настоящее время строго запрещены к распространению и разыскиваются во всех монастырях России для того, чтобы монахи не пустили в ход изложенные в них доктрины.

Тем не менее, необходимо признать, что, несмотря на эти направления и эти принципы, большая неопределенность царит все еще в этой части цензуры; и никто не знает наверняка, что дозволено, ни то, что запрещено. К примеру, русский перевод произведения с наименованием

религиозную терпимость (поэма «За и против» 1722, «Трактат о веротерпимости» 1763). В общественно-политическом учении Руссо важное место занимала проблема государственной власти и причин социального неравенства. Сторонник учения об общественном договоре, он полагал, что верховная власть в государстве принадлежит всему народу, считал идеальной формой правления республику, ратовал за прямую демократию и обосновывал право на революционное свержение антинародной власти (трактат «Об общественном договоре» 1762). Французские революционеры, в том числе Робеспьер, считали себя учениками и последователями Руссо.

⁶²Жанна-Мария Гюйон (1648–1717), урожденная Бувье де ла Мотт – французский мистик, представительница квиетизма, т.е. непротивленческой покорности божественной воле и пацифизма, служившего опорой для оппозиции трону Людовика XIV. Пользовалась покровительством мадам де Ментенон, но в 1695 г. была заключена в Венсенскую крепость, а затем в Бастилию (1698–1703).

⁶³Гиём Адам де Фелис (1803–1871) – пастор реформированной церкви в нормандском Больбеке, профессор теологии в Монтобана, приобретший известность не только своими выступлениями в защиту Библейских обществ («Очерк о духе и цели библейского учреждения». Париж, 1823), но и борьбой за упразднение рабства во французских колониях.

⁶⁴Эммануил Сведенборг (1688–1772) — шведский ученый-естествоиспытатель, в 1744 г. оставил занятия науками, посвятив себя написанию теологических сочинений, по большей части комментариев к Библии (от 30 до 40 томов).

⁶⁵Игнатий Линдль — немецкий пастор, деятель религиозного движения «пробужденных», желал вернуть христианство к его «древней чистоте», призывал к объединению христиан и считал второстепенной обрядовую сторону религии. В 1819 г. по приглашению российского правительства прибыл в Санкт-Петербург, где удостоился благосклонного приема князем Голицыным и императором Александром I, получил дозволение проповедовать в Мальтийской церкви Пажеского корпуса. В 1820 г. из-за критики католиками был удален в Одессу, а оттуда в 1823 г. выслан на казенный счет за границу.

«Божественная философия»⁶⁶, сделанный на средства Императора в министерство князя Голицына только что подвергся запрету, притом неизвестно распространяется ли эта мера на оригинал, поскольку запрет касается только перевода. «Подражание И. С. (Иисусу Христу– Т. Г.)», переведенная недавно 2-ном тайным советником Сперанским⁶⁷, одним из наиболее выдающихся и влиятельных лиц Империи, произведение, встреченное единодушным одобрением, подверглось такому же запрету; и нисколько не известно опять же касается ли запрет также оригинальных изданий. Так же обстоят дела с переводом сочинений Юнга-Штиллинга, сегодня находящихся под строгим запретом, в то время как 10 лет назад, это сочинение принесло своему автору, статскому советнику Лабзину⁶⁸, орден Св. Владимира и самый что ни на есть хвалебный рескрипт.

То же самое противоречие, только в обратном смысле, присутствует во мнении, которое правительство только что продемонстрировало касательно книги, вышедшей в свет в пору предыдущего министерства, под заглавием «Мысли о бессмертии души, перед могилой ребенка». Про-

⁶⁶Жан-Филипп Дютюа-Мамбрини (1721–1793) — автор книги «Божественная философия в отношении к непреложным истинам, открытым в тройственном зеркале: вселенная, человека и Священного писания», переведенной на рус. яз. и изданной в 6-ти частях в Москве в Университетской типографии в 1818–1819 гг.

⁶⁷«О подражании Христу» (лат. «De Imitatione Christi») — католический богословский трактат Фомы Кемпийского, написанный между 1418 и 1427 г., критиковавший внешнее благочестие и ратовавший за возврат к первоначальным практикам христианского учения.

Михаил Михайлович Федорович (1772–1839) — ближайший советник императора Александра в реформаторских начинаниях первой половины его царствования, в 1812 г. по обвинению в шпионаже в пользу Франции отправлен в ссылку в Пермь, где и занялся переводом сочинения Фомы Кемпийского с латинского текста. Признанный самым удачным на тот момент, перевод Сперанского появился в печати в 1819 г. и выдержал несколько переизданий в 1821, 1834, 1845 гг.

⁶⁸Иоганн-Генрих Юнг-Штиллинг (1740–1817) — немецкий писатель, известность которому доставили его мистические сочинения. С 1806 г. жил во дворце герцога Баденского в Карлсруэ, где с ним познакомился Александр I, вынесший благоприятное впечатление от встречи. В 1818 г. в рус. переводе вышла «Тоска по отчизне» Юнга-Штиллинга.

Лабзин Александр Федорович (1766–1825) — религиозный просветитель и мистик, в его переводе на рус. яз. вышла книга Юнга-Штиллинга «Приключения после смерти» (СПб., 1805). В 1815 г. Лабзин получил орден за издание духовных книг на русском языке, а в 1821 г. по доносу православных ортодоксов был выслан в Сенгилей, откуда переведен в Симбирск.

дукция некого Станевича⁶⁹, это сочинение представляет собой не что иное, как кровавую диатрибу, направленную против всех остальных конфессий, с целью доказать, что, за рамками греческой церкви, нет спасения. Император, несколько лет назад, прочитав манускрипт представленный князем Голицыным, сам запретил отдавать его в печать, а неосторожный цензор, который поторопился разрешить ее, был наказан ссылкой⁷⁰. Сегодня, по представлению русского митрополита, это произведение разрешено, удостоено множества похвал, превознесено в газетах и напечатано за счет Императора. Тщетно было бы стараться пойти еще дальше в непоследовательности.

Таковы сведения, которые Королевское посольство постаралось собрать об учреждении, организации и практике цензуры в России. Что же до результатов, которые она может иметь, оценить их не представляет труда.

Можно утверждать, что цензура эффективна в достижении цели, поставленной перед нею правительством, только в отношении иностранных газет и по отношению ко всему, что печатается в России. Действие власти осуществляется настолько напрямую в отношении них, и нарушения вызвали бы столько трудностей и рисков, что таковых явно совсем не совершается. Таким образом, народ не знает в точности, что от него требуется знать, и целая часть народа, в отношении которой опасаются разлагающего воздействия просвещения, остается преспокойно пребывать в темноте. В этом без сомнения самый важный пункт, единственный на котором стоит заострить внимание. Все остальное может считаться как мера безопасности, простой полиции, и если правительство придает некоторое значение ее своевременному выполне-

⁶⁹Станевич Евстафий Иванович (1775–1835) — писатель и переводчик с фр. яз., участник «Бесед любителей русского слова», он вступил в борьбу с господствовавшим при дворе и в обществе мистицизмом, издав книгу «Беседа над гробом младенца о бессмертии души, тогда только утешительном, когда истина оного утверждается на точном учении веры и церкви» (1818). После доклада императору книга была конфискована, Станевич лишен места в канцелярии и выслан из Петербурга. В 1825 г., когда пропаганда мистицизма вышла из моды, книга Станевича вновь была издана по Высочайшему повелению на казенный счет, а автор получил дозволение вернуться в столицу, где был определен в департамент народного просвещения.

⁷⁰Под «неосторожным цензором» имеется в виду архимандрит Иннокентий, ректор Петербургской духовной семинарии, которому после неоднократных допросов был вынесен Высочайший строжайший выговор, после чего он был переведен в Оренбург, затем в Пензу, заболел и немного спустя умер.

нию, успех не отвечает его желаниям, ни средства, приложенные для достижения желаемой цели. Вероломство таможни, стяжательство книгопродавцев, ловкость путешественников, недосмотр власти, злоупотребления администрации, тысячи причин способствуют облегчению ввоза книг, даже самым суровым образом запрещенных. Мы не видим, что может быть другое нежелательное последствие такому порядку вещей, чем бесполезная компрометация авторитета закона, нарушение которого не может оставаться ненаказанным, не спровоцировав неповиновение. – Впрочем, те, кто дорожит тем, чтобы обеспечивать себе продукцию, запрещенную правительством, являются либо людьми, которые читают в целях самообразования, и которые не имеют мнений отличных от тех, что находятся в гармонии с их принципами, заранее установленными и зафиксированными, или же молодые не оформившиеся головы, безбородые Катилина⁷¹, рожденные республиканцами при деспотизме, непонятно откуда взявшиеся якобинцы, которые сами по себе имеют направление мыслей еще худшее, чем самые плохие книги⁷². Те могут только выиграть, этим нечего терять. – Без сомнения эта естественная склонность, это не подвергающееся определению тяготение к пагубным доктринам спровоцировало слежку и суровость правительства с тем, чтобы помешать, по крайней мере, распространению зла, которое незаметно становится все более ощутимым и продолжает в тайне свое опустошительное действие. Но источник такого состояния дел следует искать в другом. Небрежное и на скорую руку образование, которое едва продолжается по выходе из детства; военные привычки; независимое существование в возрасте, когда велика необходимость в советах⁷³ и в руководстве; и более всего, полное отсутствие моральных и религиозных принципов: вот раны, которые не может залечить цензура, которые делают все усилия бесполезными: вот радикальный изъян, против которого необходимо найти быстродействующее лекарство;

⁷¹Луций Сергий Катилина (ок. 108 до н.э. – 62 до н.э.) – глава заговора в Древнем Риме, решивший доставить себе консульство убийством консулов и части сенаторов и собравший для того солдат и оружие, но потерпевший поражение вследствие бдительности Цицерона.

⁷²Отчеркнуто на полях: «<...> или же молодые не оформившиеся головы, безбородые Катилина, рожденные республиканцами при деспотизме, непонятно откуда взявшиеся якобинцы».

⁷³Отчеркнуто на полях: «Небрежное и на скорую руку образование, которое едва продолжается по выходе из детства; военные привычки; независимое существование в возрасте, когда велика необходимость в советах».

который должен привлечь к себе внимание просвещенного правительства намного в большей степени, чем эти мелочные ограничения, эти мелочные обиды, которые, исходя от узкого ума, провоцируют презрение, порождают вскоре ненависть, и остаются как нетленные и постыдные памятники неосмотрительности, слабости и нестабильности.

T. de Lagrène

Archives du Ministère des Affaires étrangères. Mémoires et documents.
T. 28. P. 89–105.

Сведения об авторе публикации

Гончарова Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru; markicha@yandex.ru

Information about the author of publication

Goncharova Tatiana Nikolaevna — PhD in History, Docent of the Department of Modern and Contemporary history, Institute of History, Saint-Petersburg State University.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru; markicha@yandex.ru